

Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 2 (142). С. 27–33.

Izvestiya of Altai State University. 2025. No 2 (142). P. 27–33.

Научная статья

УДК 94(571.16):323.23"1953"

ББК 63.3(253.3)6 + 66.3(2),13

DOI: 10.14258/izvasu(2025)2-03

**«Дело врачей» и общественно-политические настроения
населения Западной Сибири в контексте «мифа о евреях»**

Дмитрий Сергеевич Морозов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
Барнаул, Россия, dimamoroza@mail.ru

Original article

**“Doctors’ Plot” and the Socio-Political Sentiments of Western
Siberian Population in the Context of “Myth of the Jew”**

Dmitry S. Morozov

Altai State University, Barnaul, Russia;

Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russia, dimamoroza@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению общественной реакции населения Западной Сибири на инспирированное властями в начале 1953 г. «дела врачей». В работе рассматриваются основные составляющие «мифа о евреях» как одной из разновидностей «мифа о враге», эксплуатируемого официальной государственной пропагандой, прослеживается взаимосвязь между «бытовым антисемитизмом» населения и репрессивной политикой сталинского режима в контексте послевоенного развития западносибирского региона. На основе архивных документов анализируются существующие в западносибирском обществе социально-политические настроения, ключевые психоэмоциональные реакции, связанные с «делом врачей» и имеющие антисемитскую направленность. В результате исследования установлено, что население приняло образ нового «врага», а часть граждан, воспринимавшая в качестве «врагов» всех представителей еврейского населения, исходила из ряда стереотипных антисемитских представлений о личных и общественных качествах евреев, что проявлялось в дискриминационных практиках по отношению к ним. Однако вопрос о характере «дела врачей» как исключительно «антиеврейской» акции остается дискуссионным.

Ключевые слова: сталинизм, дело врачей, антисемитизм, идеология, пропаганда, массовое сознание, общественные настроения, Западная Сибирь

Abstract. The article is devoted to the study of the public reaction of the population of Western Siberia to the "doctors' plot" inspired by the authorities in early 1953. The work examines the main components of the "myth of the Jew" as one of the varieties of the "myth of the enemy" exploited by official state propaganda, traces the relationship between the "everyday anti-Semitism" of the population and the repressive policy of the Stalinist regime in the context of the post-war development of the Western Siberian region. Based on archival documents, the socio-political sentiments existing in Western Siberian society, key psycho-emotional reactions associated with the "doctors' plot" and having an anti-Semitic orientation are analyzed. The study found that the population accepted the image of a new "enemy," and that some citizens, who perceived all representatives of the Jewish population as "enemies," were guided by a number of stereotypical anti-Semitic ideas about the personal and social qualities of Jews, which manifested itself in discriminatory practices against them; however, the question of the nature of the "doctors' plot" as an exclusively "anti-Jewish" action remains controversial.

Keywords: stalinism, «doctors' plot», anti-semitism, ideology, propaganda, mass consciousness, public sentiments, Western Siberia

Для цитирования: Морозов Д.С. «Дело врачей» и общественно-политические настроения населения Западной Сибири в контексте «мифа о еврее» // Известия Алтайского государственного университета. 2025. №2 (142). С. 27–33. DOI: 10.14258/izvasu(2025)2-03.

Введение

«Дело врачей» (1953 г.) остается в фокусе исследовательского внимания, что обусловлено его особым положением в рамках идеологических кампаний послевоенного периода: оно может рассматриваться либо как составная часть кампании по борьбе с «космополитизмом», либо как отдельная акция с не до конца выясненными целями власти и потенциальными последствиями ее осуществления. В монографиях Г.В. Костырченко, Ж. Медведева, Д. Брента и В. Наумова «дело врачей» рассматривается в контексте изучения феномена антисемитизма в СССР и репрессивной политики сталинского режима [1–4]. В исследованиях данных авторов реконструируется процесс разработки и реализации «дела врачей» в общесоюзном масштабе, при этом исследовательский фокус сконцентрирован на действиях и практиках власти и ее институтов. С середины 2000-х гг. также начали разрабатывать и «региональный компонент» данной проблемы. На материалах различных регионов СССР исследователи реконструировали особенности реализации связанной с «делом врачей» политической кампании в советской провинции, уделяя внимание реакции населения и существующим в регионе общественным настроениям. Так, «дело врачей» на Урале подробно изучила А.С. Кимерлинг [5]. На материалах Сибири его рассматривали С.М. Демина, Е.С. Генина и С.А. Папков [6–11]. Общественно-политические настроения в период проведения «дела врачей» (как в «центре» страны, так и в регионах) характеризуются в работах А. Локшина, С. Чарного, С.А. Гвоздева, Д.Ю. Асташкина, Г.С. Зелениной и А.Н. Сперанской [12–17].

Смещение акцента с рассмотрения действий политического руководства СССР на анализ «инициативы снизу» является одним из актуальных ракурсов изучения данной проблемы. Изучение фиксируемых в период реализации «дела врачей» общественно-политических настроений, их внутреннего содержания и связи с идеологическими постулатами послевоенной эпохи позволяет определить, как существующие в массовом сознании советских граждан стереотипы вступали в действие с официальным пропагандистским дискурсом, способствуя изменению образа «врага» в массовом сознании населения в послевоенный период, и понять, как возникшие в обществе страхи, слухи и предположения после получения известий о «врачах-вредителях» влияли на повседневное поведение советских граждан и их стратегии приспособления к существующей социально-политической

For citation: Morozov D.S. “Doctors’ Plot” and the Socio-Political Sentiments of Western Siberian Population in the Context of “Myth of the Jew”. *Izvestia Altai State University*. 2025. No 2 (142). P. 27–33. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2025)2-03.

реальности с ее кризисными явлениями в экономике и внешней политике.

В данной статье общественная реакция населения Западной Сибири на инспирированное властями в начале 1953 г. «дело врачей» реконструирована в контексте рассмотрения и анализа основных составляющих «мифа о еврее» как одной из разновидностей «мифа о враге», эксплуатируемого сталинской пропагандой.

Автор использовал элементы метода контент-анализа, применение которого позволяет осуществить переход от нарративно-описательной модели представления ключевых реакций населения на «дело врачей» к количественному анализу наиболее характерных внутренних составляющих образа «врага-еврея», воспроизводимых в массовом сознании и выраженных в вербальной либо поведенческой форме.

Основным источником для написания статьи послужили материалы фондов госархивов Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей [18–21], представленные делопроизводственной документацией — «информациями» об «откликах трудящихся на арест группы врачей-вредителей», исходящими от областных партийных комитетов и адресованные ЦК партии. Используются также сведения, почерпнутые из документальных сборников, посвященных репрессивной политике в Сибири в указанный период [22–23].

«Миф о еврее» как разновидность «мифа о враге» в контексте позднесталинской пропаганды. Антисемитизм как «маркер» общественного недовольства

«Миф о еврее» являлся одной из разновидностей «мифа о враге» и во многом определял существующие в послевоенном советском обществе антисемитские настроения, наиболее ярко выраженные в период «дела врачей».

Традиционная для массового сознания связь образа еврея с деньгами, равно как и другими атрибутами материального богатства, становилась в мировосприятии советского человека в сталинскую эпоху с ее бинарными категориями мышления «мы — они» свидетельством принадлежности еврея к иной, отличной от советской, системы ценностей. Ее дополняло представление о еврее как человеке с «двойной лояльностью». А материально-бытовые трудности советских граждан в послевоенную эпоху (низкий уровень доходов при значительной продолжительности рабочего дня, налоговое бремя, голод, трудности со снабжением, невозможность в полной мере удов-

летворять базовые потребности в пище, одежде и подобные [24, с. 63–64]) еще более усугубляли антисемитские настроения в обществе.

В данной ситуации одним из механизмов объяснения материально-бытовых трудностей советской жизни могла стать циркулирующая в обществе идея о том, что те или иные материальные блага «украдены» у населения. Согласно теории американского антрополога Дж. Фостера об «ограниченном благе», в закрытых сообществах превышающий норму избыток ресурсов у одного человека может быть получен только за счет ухудшения благосостояния другого, что является несправедливым распределением и порождает ситуацию всеобщей озабоченности социальной несправедливостью [25].

С началом «дела врачей» зимой 1953 г. сформировавшиеся ранее представления о евреях как гражданах с «двойной лояльностью» и обладателях дефицитных благ с большой долей вероятности могли стать основой для тех общественно-политических настроений, которые повсеместно, в том числе и в Сибири, фиксировались пропагандистами и органами МГБ при публичном обсуждении «дела». Бытовой антисемитизм мог определенным образом специфически выражать зафиксированный в подсознании социальный протест против материально-бытовых трудностей жизни и в то же время обуславливать использование образа «врага-еврея» для консолидации и мобилизации вокруг центральной власти.

В Западной Сибири усилить в общественном сознании «антиеврейский» дискурс мог рост еврейского населения в регионе в результате эвакуации, проводившейся в период Второй мировой войны, когда количество евреев в Западной Сибири увеличилось на несколько десятков тысяч человек [26, с. 166].

Основные проявления антисемитской реакции западносибирского общества на «дело врачей»

Нами было проанализировано 122 зафиксированных в источниках («информациях») об «откликах трудящихся на арест группы врачей-вредителей», исходящих от областных партийных комитетов и адресованных ЦК партии) высказывания советских граждан относительно «дела врачей». 82 (67,3%) из них не носят антисемитской направленности, однако 40 (32,7%) могут быть классифицированы как антисемитские по характеру. Их содержание не ограничивается «стандартными» призывами к усилению бдительности и каре «разоблаченных» «врагов». Часть граждан демонстрировала нарративы и дискурсивные практики антисемитской направленности. Среди них можно выделить следующие:

1. Социальная стигматизация евреев путем приписывания им ряда отрицательных социальных характеристик и личностных качеств (стремление к лич-

ной выгоде, эгоизм, «двойная лояльность» и пр.), а также враждебных намерений («вредительское лечение», «отравление» и пр.). Из 40 обнаруженных в источниках «антиеврейских» высказываний подобного рода характеристики содержится в 18 (45%). Так, в Новосибирской области отдельные трудящиеся высказывали мнение, согласно которому «национальная черта евреев — стремление в первую очередь к удовлетворению личных интересов», заявляя о том, что они «уже неоднократно в ходе русской истории являли собой образец продажности» [19, л. 6]. Еврей воспринимается как равнодушный к общему благу, холодный, черствый человек: «...у нас на заводе есть евреи... к работе относятся по-казенному, в общественной работе не участвуют, за производство не болеют...» [19, л. 13].

Встречался и тезис о «еврейском засилии» на предприятиях и в учреждениях региона: «Почему у нас на заводе много евреев и все они занимают командные посты и себя считают всех умнее?»; «...особо их много в медицине, как ни главный врач, так и еврей... большинство их них занимают руководящие посты, и они всегда стараются показать себя...» [19, л. 86]. Одним из встречающихся в источниках примеров употребления гражданами по отношению к еврейскому населению дискриминационно маркированных понятий является слово «жид»: «Знаете, что натворила жидовская банда?» [19, л. 33], «...жидовские вредители» [19, л. 33].

Стигматизация евреев также выражалась в совершении либо угрозе совершения в отношении их конкретных насильственных либо дискриминационных действий. Так, например, в Ипподромском районе Новосибирска в очереди, где стояли два гражданина-еврея, «граждане делали заявления, что все евреи предатели Родины, и гнали их из очереди» [19, л. 10].

Часто субъектами дискриминационных действий по отношению к евреям становились дети, вероятно, перенявшие соответствующие настроения и модели поведения от своих родителей. Так, в школах Новосибирской области масштабы неприязненного отношения школьников города к ученикам-евреям приняли, по-видимому, широкий размах — свидетельством этого может служить направленная заместителем заведующего Новосибирским гороно А. Карловым в горком города информационная записка, в которой отмечается, что «после опубликования статьи... “Арест группы врачей-вредителей” в школах города среди учащихся имело место неправильное понимание содержания статьи, что проявилось в неправильном отношении учащихся к детям-евреям...», приводились и отдельные примеры: «...в уборной появились лозунги “Бей жидов, спасай Россию”, такие же лозунги были написаны на классных досках во время перемен...», «...ученики побили ученика-

еврея...», «ученик... заявил директору школы... о том, что евреи хотели отравить русских» и др. [19, л. 70].

2. Высказывание гражданами публичных предложений о высылке всего еврейского населения за пределы СССР, в отдаленные местности, нежелание делить с еврейским населением общее публичное пространство. Из 40 обнаруженных в источниках «антиеврейских» высказываний такое предложение содержится в 12 (30%). Так, например, в Киселевске Кемеровской области коллектив учителей одной из школ города в беседе с секретарем школьной партийной организации высказал мнение о том, что «всех евреев надо сослать в Палестину...» [23, с. 156–157]. Аналогичная ситуация имела место в школе города Осинники, где одним из учителей было предложено «поместить всех евреев в тайге, причем без права выезда оттуда...» [23, с. 158].

Данный нарратив мог дополняться отдельными слухами о якобы существовавших в прошлом намерениях и предложениях реализовать подобные меры. В качестве примеров можно привести ситуацию, зафиксированную в Томской области, когда во время политбеседы с военнослужащими руководителю группы было высказано несколько разновидностей подобных слухов: «В.И. Ленин еще в 1918 г. ставил вопрос, чтобы всех евреев определили в одном месте...», «коммунисты еще в 1905 г. хотели всех евреев сажать в одно место» [21, л. 117–118].

Стержневая составляющая указанных выше нарративов — идея «коллективной вины», лексически выражающаяся в словосочетаниях наподобие «все евреи...». Подобные социальные установки могли коренным образом менять поведение людей. Омский рабочий М. после обсуждения хроники ТАСС об аресте «врачей-вредителей», например, заявил о том, что он «не может без отвращения смотреть, разговаривать, подавать руку и называть по имени и отчеству евреев, работающих с ним» [20, л. 1].

Большую роль в устойчивости и масштабном распространении в обществе слухов и предложений о «выселении» евреев за пределы страны играло то, что можно считать «военным опытом». Как считает Г.С. Зеленина, призывы к переселению евреев во многом основываются на восприятии осуществленных ранее депортаций народов, обвиненных в предательстве, во время и после Великой Отечественной войны. В соответствии с этой логикой евреи в послевоенном советском обществе воспринимавшиеся многими гражданами, пережившими травматичный военный опыт, как «внутренние предатели», получившие ряд имеющихся благ за счет русского народа, завоевавшего победу в войне, и должны были, по мнению граждан, быть подвергнуты той же практике сегрегации [16, с. 122, 132–134]. Характерным примером является высказывание томского военнослужащего Р. «...русские всю войну воевали, а евреи, как уче-

ные люди, занимались наукой. Они неспособны воевать, а способны отсиживаться за нашей шкурой. Евреи способны только спекулировать» [21, л. 118]. Схожим по содержанию является и высказывание одного из работников Новосибирской МТС: «Сослать всех евреев куда-нибудь. За войну этот народ также подводил» [19, л. 57].

Можно предложить и другую интерпретацию. Звучащие в высказываниях граждан по отношению к евреям мотивы необходимости «выселения», «переселения», «ссылки» и прочего могут быть обусловлены подсознательным нежеланием делить с «врагом» общее пространство — как локальное (место учебы, работы), так и глобальное (территория государства в целом). Сама идея присутствия врага, носителя «чужого» в «своем», привычном публичном пространстве (место учебы, работы, школа, поликлиника и т.д.) изменяет его восприятие — из-за присутствия в нем «врага» оно перестает быть безопасным, поэтому человек стремится «изгнать» врага за его пределы, как в локальном масштабе («освободить завод от евреев») [19, л. 13], так и в глобальном («выселить всех евреев на отдельный остров») [19, л. 6].

3. Необходимость применения к евреям в СССР мер ограничительно-дискриминационного характера («взять на спецучет», «гнать с руководящих постов», «запретить получать медицинское образование» и др.). Из 40 обнаруженных в источниках «антиеврейских» высказываний подобного рода предложения содержатся в 8 (20%). Так, например, призывы «все кадры проверять, а евреям не доверять», «всех еврейской национальности гнать с руководящей работы» были озвучены в ходе публичного обсуждения «дела» жителями города Новосибирска [19, л. 13].

Следует отметить, что хотя нередко в массовом сознании объявленные в СМИ «врагами и преступниками» врачи еврейской национальности неизбежно отождествлялись со всем еврейским населением СССР, в используемых источниках («информациях» об «откликах населения» на «дело врачей», исходящих от краевых и областных партийных комитетов) высказывания и настроения подобного рода обозначены как «неправильные». Упоминаются случаи разъяснения коммунистами участникам публичных митингов и собраний по обсуждению передовой статьи «Правды» о «врачах-вредителях» того, что «...в нашей стране все национальности пользуются одинаковыми правами и что еврейская национальность не может рассматриваться как неравноправная нация, но к врагам Советского Союза мы были и будем беспощадны...» [19, л. 39].

Историками предлагаются два варианта интерпретации данного обстоятельства: несоответствие антисемитских настроений населения включенной в «советский миф» идее о «советской дружбе народов» и «пролетарском интернационализме» [9, с. 163];

антиеврейская направленность кампании не была актуализирована в исходящих из центра директивах, в связи с чем областные (краевые) партийные органы старались смягчить в отчетах в ЦК КПСС национальную окраску кампании [11, с. 121].

Заключение

Развернувшееся в начале 1953 г. «дело врачей» вызвало широкий общественный резонанс. Население западносибирского региона приняло образ «врачей-вредителей» в качестве новой категории врагов. Часть населения региона, не ограничиваясь официальными рамками характеристик «вражеской группы врачей» как «буржуазных националистов» и «агентов иностранных разведок», переносили негативные характеристики на все еврейское население страны.

Сформулированный антисемитски настроенными гражданами из числа населения региона образ еврея базировался на представлениях о «двойной лояльности», «эгоизме», «расчетливости» и «эмоциональной холодности» последнего. Отдельно выделялся нарратив, связанный с образом еврея как держателя дефицитных благ, выгод, льгот и привилегий, полученных

за счет других лиц (концепция «ограниченного блага»). Значительную роль в восприятии евреев играл травматичный военный опыт советских граждан. Воспринимая евреев как «врагов», население стремилось избавиться от их присутствия в привычной системе координат, что выражалось в вербально выраженных предложениях об их «выселении», «сосредоточении в одном месте» и т.д.

Вопрос о характере кампании как об «антиеврейской» и о степени соответствия антисемитской «ответной реакции» населения ожиданиям власти остается дискуссионным. Официальной задачей власти являлась мобилизация населения на «борьбу за бдительность» и консолидация вокруг существующих партийно-государственных институтов. Эта задача оказалась выполненной, однако часть населения, вероятно, использовала сложившуюся ситуацию и характерный для «дела врачей» «антиеврейский» подтекст разной степени выраженности как средство воплощения собственных представлений о социальной справедливости и возможность критики отдельных обстоятельств социально-экономической жизни в послевоенном СССР.

Библиографический список

1. Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие. М. : Международные отношения, 1994. 400 с.
2. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М. : Международные отношения, 2001. 784 с.
3. Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема: Новый анализ. М. : Права человека, 2003. 288 с.
4. Брент Д., Наумов В. Последнее дело Сталина. М. : Проспект, 2004. 348 с.
5. Кимерлинг А.С. Террор на излете. «Дело врачей» в уральской провинции. Пермь : ПГИИК, 2011. 82 с.
6. Демина С.М. «Дело врачей»: региональный уровень // История Алтайского края XVIII–XX вв. Научные и документальные материалы. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. С. 352–358.
7. Генина Е.С. Борьба с космополитизмом в 1949–1953 годах (по материалам Алтайского края) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 1: История. С. 79–84.
8. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Томской области (конец 1940-х — начало 1950-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. №306. С. 57–61.
9. Генина Е.С. «Дело врачей» в Сибири (1953 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1: История. С. 81–85.
10. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2009. 254 с.
11. Папков С.А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М. : РОССПЭН, 2012. 440 с.
12. Локшин А. «Дело врачей»: «отклики трудящихся» // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. №1 (5). С. 52–62.
13. Чарный С. «Выслать всех... в Палестину!». Отклики на арест врачей-вредителей // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. М. : Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2003. С. 484–490.
14. Гвоздев С.А. «Москва взбудоражена как пчелиный улей». Конец «дела врачей» и настроения в столице и провинции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2003. №2. С. 140–143.
15. Асташкин Д.Ю. Антисемитская реакция советского общества на «дело врачей» (по материалам новгородского управления МГБ) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. №1 (42). С. 32–39.
16. Зеленина С.Г. «Отравленная вата» и «привитая гипертония»: источники и функции слухов вокруг «дела врачей» // Антропологический форум. 2016. №31. С. 119–154.
17. Сперанская А.Н. Общественная реакция на «дело врачей» (на материалах Челябинской области) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия:

Социально-гуманитарные науки. 2019. №19 (2). С. 68–72. DOI: 10.14529/ssh190209.

18. Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. П-75. Оп. 7. Д. 200.

19. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-22. Оп. 3. Д. 2652.

20. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 14. Оп. 6. Д. 135.

21. Центр документации Новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1700.

22. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. VI. 1945–1965 / отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул : Управление архивного дела администрации Алтайского края, 2004. 325 с.

23. Неизвестный Кузбасс. Вып. 2: Тоталитарная система: Палачи и жертвы. Сборник архивных документов /

под общ. ред. В.А. Сергиенко Кемерово : Гос. архив Кемеровской области, 1995. 250 с.

24. Савенко Е.Н. Послевоенное общество сквозь призму неподцензурных текстов (по материалам Сибири) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. : материалы VII Международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М. : Политическая энциклопедия : Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. С. 62–70.

25. Foster G. Peasant Society and the Image of Limited Good // *American Anthropologist New Series*. 1965. Vol. 6. No. 2. P. 293–315.

26. Герасимова В.А., Ключева В.П. Антисемитизм в позднем СССР в представлении сибирских евреев: предварительные наблюдения // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 165–170.

References

1. Kostyrchenko G.V. *Captured by the Red Pharaoh. Political Persecution of Jews in the Last Decade of Stalin*. Moscow: International Relations, 1994. 400 p. (In Russ.).

2. Kostyrchenko G.V. *Stalin's Secret Policy: Power and Anti-Semitism*. Moscow: International Relations, 2001. 784 p. (In Russ.).

3. Medvedev J. *Stalin and the Jewish Problem: A New Analysis*. Moscow: Human Rights, 2003. 288 p. (In Russ.).

4. Brent D., Naumov V. *Stalin's Last Case*. Moscow: Prospect Publishing House, 2004. 348 p. (In Russ.).

5. Kimerling A.S. *Terror in Its Demise. "Doctors' Plot" in the Ural Province*. Perm: PSIC, 2011. 82 p. (In Russ.).

6. Demina S.M. "Doctors' Plot": Regional Level. *History of the Altai Territory of the 18th–20th Centuries. Scientific and Documentary Materials*. Barnaul: BSPU Publishing House, 2005. P. 352–358. (In Russ.).

7. Genina E.S. Fight against Cosmopolitanism in 1949–1953 (Based on Materials from the Altai Territory). *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2007. Vol. 6, No 1: History. P. 79–84. (In Russ.).

8. Genina E.S. Campaign to Combat Cosmopolitanism in the Tomsk Region (Late 1940s — Early 1950s). *Bulletin of Tomsk State University*. 2008. No. 306. P. 57–61. (In Russ.).

9. Genina E.S. Doctors' Plot in Siberia (1953). *Bulletin of NSU. Series: History, Philology*. 2009. Vol. 8, No 1: History. P. 81–85. (In Russ.).

10. Genina E.S. *Campaign to Combat Cosmopolitanism in Siberia (1949–1953)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 2009. 254 p. (In Russ.).

11. Papkov S.A. *Ordinary Terror: The Politics of Stalinism in Siberia*. Moscow: ROSSPEN, 2012. 440 p. (In Russ.).

12. Lokshin A. "Doctors' Plot": "Responses of the Workers". *Bulletin of the Jewish University in Moscow*. 1994. No. 1 (5). P. 52–62 (In Russ.).

13. Charny S. "Send Everyone... to Palestine!" Responses to the Arrest of the Doctors-Saboteurs. *Ours or Someone Else? Jews and Slavs through Each Other's Eyes*. Moscow: Center

for Scientific Workers and Teachers of Jewish Studies in Universities "Sefer", 2003. P. 484–490 (In Russ.).

14. Gvozdev S.A. "Moscow is Agitated Like a Bee Hive". The End of the "Doctors' Plot" and the Mood in the Capital and the Provinces. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*. 2003. No. 2. P. 140–143. (In Russ.).

15. Astashkin D.Yu. Anti-Semitic Reaction of the Soviet Society to the "Doctors' Plot" (Based on the Materials of the Novgorod Department of the MGB). *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2015. No. 1 (42). P. 32–39. (In Russ.).

16. Zelenina S.G. "Poisoned Cotton Wool" and "Vaccinated Hypertension": Sources and Functions of Rumors Around the "Doctors' Plot". *Anthropological Forum*. 2016. No. 31. P. 119–154. (In Russ.).

17. Speranskaya A.N. Public Reaction to the "Doctors' Plot" (Based on the Materials of the Chelyabinsk Region). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2019. No. 19 (2). P. 68–72. (In Russ.). DOI: 10.14529/ssh190209

18. *State Archives of Kuzbass (GAK)*. F. P-75. Op. 7. D. 200.

19. *State Archives of Novosibirsk Oblast (GANO)*. F. P-22. Op. 3. D. 2652.

20. *State Historical Archives of Omsk Oblast (GIAOO)*. F. 14. Op. 6. D. 135.

21. *Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TSDNITO)*. F. 607. Op. 1. D. 1700.

22. *Victims of Political Repressions in the Altai Territory*. Vol. VI. 1945–1965. / ed. G.N. Bezrukov. Barnaul: Archival Affairs Management of the Altai Territory Administration, 2004. 325 p. (In Russ.).

23. Unknown Kuzbass. Issue 2. Totalitarian System: Executioners and Victims. Collection of Archival Documents. *State Archives of the Kemerovo Region, Kuzbassprombank; under the General Editorship of Sergienko V.A.* Kemerovo: State Archives of the Kemerovo Region, 1995. 250 p. (In Russ.).

24. Savenko E.N. Post-war Society through the Prism of Uncensored Texts (Based on Materials from Siberia). *Soviet State and Society during the Period of late Stalinism. 1945–1953: Proceedings of the 7th International Scientific Conference. Tver, December 4-6, 2014*. M. : Political Encyclopedia; B.N. Yeltsin Presidential Center, 2015. P. 62–70. (In Russ.).

25. Foster G. Peasant Society and the Image of Limited Good. *American Anthropologist New Series*. 1965. Vol. 6. No. 2. P. 293–315.

26. Gerasimova V.A., Klyueva V.P. Anti-Semitism in the Late USSR as Viewed by Siberian Jews: Preliminary Observations. *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2020. No. 65. P. 165–170 (In Russ.).

Информация об авторе

Д.С. Морозов, аспирант кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; преподаватель кафедры истории государства и права, Алтайский государственный технический университет, Барнаул, Россия.

Information about the author

D.S. Morozov, Postgraduate Student, Department of Russian History, Altai State University, Barnaul, Russia; Lecturer at the Department of History of State and Law, Altai State Technical University, Barnaul, Russia.